
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, А. П. МАРКОВ

МЕЖДУ НАЦИЗМОМ И ИМПЕРИЕЙ. ДРАМА ВЫБОРА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

В статье анализируются причины и факторы возрождения нацистской идеологии. Особое внимание уделено разрушению христианских основ европейской культуры и экспансии язычества. Дается оценка перспектив перерождения национальных государств в империи, способные преобразовать энергетику рода, консолидировать общество исторической памятью и осознанием общей судьбы, объединить народы ценностным и смысловым основаниями.

Ключевые слова: кризис идентичности, язычество, национал-социализм, имперское сознание.

1. Кризис идентичности и симптомы регрессии западноевропейской культуры

Одной из основных тенденций изменения культурной жизни Западной Европы в настоящее время является экспансия идеологий и практик национализма, включая его крайнюю форму – нацизм. Об этом свидетельствуют рост популярности расистских идей в гуманитарном знании (к примеру, концепции «рас как особых исторически сложившихся форм культурной солидарности»), расширение зоны применения расистских моделей восприятия «другого» (в том числе и в государственной политике ряда стран, осуществляющих дискриминацию по этническим критериям) и всплеск интереса к идентичностям по критерию «почвы и крови», поддерживаемого властными структурами.

---

* Статья выполнена в развитие дискуссии в рамках XV Международных Лихачевских научных чтений «Современные глобальные вызовы и национальные интересы» (14–15 мая 2015 года), связанной с анализом причин и факторов реванша нацистской идеологии в пространстве европейской культуры. По итогам чтений СПбГУП выпущен сборник докладов и материалов дискуссий (на русском и английском языках). При реализации проекта «XV Международные Лихачевские научные чтения» использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России.

В контексте европейской культуры предпринимаются все более активные усилия, направленные на реабилитацию идеологии нацизма, включая персоналии его референтов и парадигму расизма, пересмотр итогов Второй мировой войны. США и Евросоюз фактически поддерживают марши ветеранов СС в странах Балтии. Идет открытая реабилитация нацистских преступников, которым присваивается звание национальных героев: на Украине, находящейся под внешним управлением Запада, такой статус уже получили Степан Бандера и штурмбаннфюрер СС Роман Шухевич. В общественном сознании Западной Европы происходит легитимация нацистских практик: зверства нацизма и символика концлагерей начинают обыгрываться в юмористическом контексте. Трагичное и преступное переводится в ранг смешного и нормального.

Обозначим несколько причин всплеска национализма в пространстве западноевропейской культуры. Прежде всего следует упомянуть политический проект Запада, направленный против России: выбить из-под русской цивилизации базовое основание национально-культурной идентичности – Подвиг, и тем самым дискредитировать историческую миссию России, ее решающий вклад в спасение народов Европы от нацистской чумы.

Но политические мотивы не объясняют массового характера всплеска идентичностей по критерию «почвы и крови». Существуют глубинные причины экспансии национализма и попыток реставрации нацизма.

1.1. Распад духовных матриц культуры

Экспансия националистической идеологии является естественным ответом западноевропейской культуры, переживающей кризис национально-культурной идентичности. В национализме воплощается выход из мировоззренческого хаоса, распада и разлома духовных матриц западноевропейской культуры (Запесоцкий 2013). Дело в том, что при нормальном развитии культуры цивилизационное поле «национально-культурного» удерживает в равновесии вторая составляющая – полюс культурного, который в современном западноевропейском пространстве практически разрушен. Все острее звучит проблема сохранения человеческой личности, «человека как биосоциальной структуры» – впервые в истории человечества «возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности» (Черешнев, Расторгу-

ев 2009: 155). Стремительное расширение пространства глобальных кризисов ставит под сомнение тип прогресса, реализованный в предшествующем техногенном развитии. Идея преобразования мира и подчинения человеком природы (как доминанта и «генетический код» техногенной западной цивилизации) поставила на грань уничтожения среду обитания человека, санкционируя и существенную модификацию его собственной природы. Агрессивная экспансия техногенной цивилизации в условиях глобализации подавляет, подчиняет и поглощает традиционные общества, обрекая их самобытные культуры на гибель. Звучат прогнозы, согласно которым уже к середине XXI века может наступить фаза «динамического хаоса» (Степин 2003). А. А. Зиновьев (2004: 37) сравнивал современный этап цивилизации «с тем переломом, какой имел место, когда человечество, как совокупность разумных существ, вообще возникло. И остановить этот процесс уже невозможно... Крах объясняется многими конкретными причинами, сцеплением конкретных обстоятельств. Но в основе лежит все тот же великий эволюционный перелом... Россия обречена. Я эту обреченность не рассматриваю так, как присудили к гибели. Нет. Тут обреченность очень глубокая, и обречена не только Россия. Думаю, что обречены и многие другие народы, включая такие народы, как западноевропейские».

Распад духовных (в своих истоках – христианских) матриц западноевропейской культуры начался с ее ядра – гуманитарной культуры, в пространстве которой уже несколько десятилетий последовательно разрушается классический образ человека. Сегодняшнюю ситуацию в гуманитарном знании символически обозначают как «антропологическую эвтаназию» (неслучайно результаты такого «гуманитарного творчества» один из идеологов постмодерна назвал «бесовской текстурой»). Предельное выражение «негативная антропология» получила в постмодернизме с его интеллектуальным абсурдом и провокацией, гримасами некрофилии, презрительной иронией по отношению к истории, культуре, нравственности. Именно постмодернизм положен в основу «разборки» классического образа человека и формирования трансгуманизма с его проектом «античеловека» – аватара (который ответственными гуманитариями рассматривается как сценарий «смерти человека» в его классической формуле – смерти человека как *antroposa*, т. е. существа, устремленного ввысь). Центром новой «постантропологии» (А. Дугин) становится фигура «фрика», телесность урда, вы-

рожденца, калеки в сочетании с генетическими мутациями, сращиванием с машинами и раскрепощением «биополитики желаний». Системная модификация классического образа христианской культуры квалифицируется как антропологический кризис, последствия которого для будущего западноевропейской цивилизации весьма тревожны. Происходит активное разрушение не только специфического для западноевропейской цивилизации ценностного ядра, но и ключевых элементов культуры вообще как духовной матрицы человечества. «Глобальная трансформация социально-культурных институтов начинает угрожать самому бытию человека» (Лекторский 2015: 110).

Процесс разложения наблюдается прежде всего в области общественной морали. Сегодня западная культура – это культура торжествующего язычника, который реанимировал все самое отвратительное и отвратительное в человеческой истории: содомия, педофилия и инцест, каннибализм и шаманизм, сатанинские культы и практики жертвоприношения и т. д. Свидетельством глубинной деформации культурных матриц (культурного кода) западноевропейской цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер, является также расширение пространства маргинальных антропологий и практик. Деградация характерна и для искусства, «шедеврами» которого теперь являются эпатажные шоу драматических спектаклей, имитирующих самоубийства, сношения с мебелью, издевательство над религиозной символикой и т. д.

Таким образом, сегодня мы наблюдаем разрушение духовного ядра европейской классической культуры, которое облагораживало родовые энергии, превращая агрессивные по отношению друг к другу племенные сообщества в народ, нацию. В теле европейской культуры разрушена ее центральная часть – пространство Логоса, миссия которого – противостоять хаосу (Флоренский 1994). Как правило, хаос торжествует в переломные культурно-исторические эпохи, когда рушатся связующие культуру и социум духовные скрепы¹. В возникшую пустоту прорывается почти преодоленная двумя тысячелетиями христианства энергетика и символика Мифоса. К массовому ощущению нарастающего хаоса ведут усиливающийся культурный плюрализм, утверждающий относительность и

---

¹ Неслучайно в религиозно-философской мысли разрушительная стихия Хаоса (греч. *χάος* – зияние, пустота; от *χαίνω* – разверзаться) персонифицирована образами Антихриста, Люцифера, Аримана.

многозначность культурных ценностей, рост девиантных форм самовыражения, активно расширяющих пространство нормативного. Неслучайно сегодняшняя эпоха характеризуется метафорами смерти и катастрофы, фиксирующими «конец культуры», наступление «культуры Апокалипсиса». Национализм в сложившейся ситуации – это попытка удержать, собрать пространство национально-культурного, интегрируя сохранившиеся традиции Логоса и востребуя позитивную символику Мифоса (Дугин 2010).

1.2. Уничтожение национальных идентичностей

Всплеск традиционализма в форме националистических идеологий – это и реакция культуры на глобальный проект «разборки мира», направленный на уничтожение национальных государств. Сегодня набирают обороты два вызова национальным государствам в их культурной сути.

Первый вызов – ультралиберализм, разрушающий ценностно-нормативное поле национальных государств путем активного навязывания политических принципов политкорректности, мультикультурализма и толерантности. Именно в рамках неolibеральной идеологии родился мультикультурализм – как важнейшая составляющая стратегии глобального доминирования транснациональных корпораций (большинство которых имеют прописку в странах G7), как философско-политическая система и политический проект, постулирующий культурную неоднородность в качестве стержневого принципа организации социума, а значит, его разрушения, фрагментации – множественность критериев идентичности неизбежно разрушает социум (Гранин 2015).

Второй вызов – постмодернизм как комплексное мировоззрение и политическая практика, заставляющая западноевропейскую культуру отказываться от ценностей христианства и Просвещения. Постмодернизм активно отвергает эпоху модерна, противопоставляя ей «естественную плюральность» социокультурного пространства, стимулируя и провоцируя «растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований» (Там же: 310) – «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т. п.

По сути, идет процесс радикальных изменений принципов современного политического устройства мира, в том числе путем ак-

тивного «отмирания» национальных государств². В проектах постмодерна будущее человечества связано с отмиранием наций и национальных государств, а понятие идентичности теряет всякий смысл – индивидуальная идентичность в дальнейшем будет опираться либо на глобальную коллективность (космополитизм), либо на отдельные случайно создаваемые и быстро распадающиеся сетевые сообщества (Лекторский 2015). В перспективе цель проекта постмодерна – демонтировать ключевые атрибуты классического мироустройства. Не только модифицировать классический образ человека, но и разрушить традиционные структуры социальности, удерживающие совместное пространство национальных государств.

Угрозы национальным и многонациональным государствам Западной Европы связаны с эрозией их культурного фундамента, разрушением культурного кода, на котором выстраиваются национальные идентичности (Гранин 2012). Поэтому ключевые силы глобального мира – неолиберализм и постмодернизм – активно ведут информационную войну с культурой, лежащей в основе национальных государств. Цель этой войны – разрушить основания и модели национально-культурных идентичностей, лишив народы духовного иммунитета и способности к сопротивлению. В сложившейся ситуации идеология национализма (включая нацизм) в значительной степени выполняет компенсаторную функцию, замещающая во многом утраченные национально-культурные основания идентичности.

2. Этапы и уровни европейской идентичности

Западноевропейская цивилизация строилась путем длительного драматического возвышения по ступеням идентичности: от природы и рода – к духу, идее, всеобщему. Тенденция возврата к идентичности по критериям почвы и крови свидетельствует об очевидной регрессии западного мира.

В истории цивилизации можно обнаружить три базовых уровня идентичности: два крайних – этническая (племенная, родовая, язы-

---

² Свидетельством целенаправленных усилий по разрушению классических структур социальности (включая государственные институты) является многообразие международных политических проектов грядущего постобщества: «сетевого общества» (М. Кастельс), «континентальных федераций», «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван), «космополитического государства» (У. Бек), «глобальной демократической империи» (Н. Фергюсон).

ческая), универсалистская (выступающая основой имперского сознания) и промежуточная – национально-культурная, которая при определенных условиях периодически поглощается языческой стихией рода либо энергетикой имперской пассионарности. Родовая, племенная идентичность – это «первичная матрица» культуры, определяющая ментальные основания ее носителя. Она характерна для культуры Древнего мира, который оставил нам тяжелый опыт в развитии человечества (включая расизм в его практическом воплощении – стремлении к физическому уничтожению всех тех, кто воспринимался в качестве «они», прежде всего по внешне фиксируемым отличиям – цвету кожи, разрезу глаз и т. д.) (Поршнева 1974). «Априорная неприязнь первобытного человека к незнакомцу, обеспечивающая консолидацию соплеменников, подтверждается многочисленными данными антропологии, и есть основания полагать, что межгрупповая вражда сопровождала всю историю рода *Номо*» (Назаретян 2015: 137). «Духовная порча» (С. Аверинцев) языческого этапа человеческой цивилизации огромна. Древний менталитет с его иррациональностью и мистицизмом подавлял волю человека, погружая его в «низшие круги бытия», препятствуя духовно-нравственному развитию, лишая мотивации к продвижению вверх по ступеням духовного восхождения. Общение с языческими богами развращало сердце человека: разврат и злодейство совершались во имя божества, для общения с ним. Антигуманные языческие практики погружали человека в стихию немотивированной агрессии: беспощадная жестокость к «другому», к тому, кто вне общины – к рабу или чужаку, – практиковалась как нечто само собой разумеющееся.

Этап родовой, племенной идентичности в Древнем мире закончился (вместе с изобретением железа в XII–X веках до н. э.) демографической катастрофой – всплеском насилия, беспощадными и бессмысленными войнами, взаимным и немотивированным уничтожением себе подобных. На следующем уровне развития человеческих коллективов возникает этнокультурная идентичность, объектом которой становится этнос как «культурно облагороженная» совокупность племен и родов. Но и здесь инстинкт племенной солидарности, формирующий общность «мы», принципиально не преодолевается – значимым консолидирующим основанием остается образ «они», идентифицирующий по критерию «почвы и крови». Этнокультурная идентичность, частично отвечая на вопросы

«кто ты?» и «с кем ты?», весьма определенно дает понять: «против кого ты?»

Глобальная катастрофа Древнего мира (начиная примерно с 3 тыс. до н. э.) определила прорыв человеческого духа, который совершился между VIII и II веками до н. э. Это так называемое *осевое время* – эпоха формирования «духовных основ человеческого бытия» (К. Ясперс)³. Мир, вышедший из древней цивилизации, становится другим – универсалистская, индоктринальная, духовная идентичность вырывает человека из плена рода, в котором он был лишен свободы во всех ее смыслах, дает ему право осознанного выбора своей судьбы, но в то же время взваливает на него тяжкий груз ответственности за ее исполнение. Корни новой идентичности – в религиозных концепциях, которые девальвировали значимость рода, обращаясь к духовному миру личности. Мировые религии осевого времени послужили мировоззренческим фундаментом создания полиэтнических империй, пассионарный пафос которых проявлялся в стремлении охватить весь мир в общечеловеческом единстве⁴. Позднее религии стали ключевым условием формирования национальных культур (которые, в свою очередь, стали цементирующим основанием наций и национальных государств). Свое логическое завершение духовный универсализм находит в христианстве, которое призывает личность выйти из инерции рода и осуществить свободный выбор в сфере духа, призывает на равных основаниях людей всех рас и этносов к спасению.

Но тяжелое испытание «небом» и «свободой» (а также необходимостью самоотречения во имя высшего) человек не выдержал: с одной стороны, в неизживаемой тоске по племенному, родовому, с другой – сохраняя инерцию идеальной устремленности к небу, человечество вступает в эпоху создания национальных государств (возникающих в том числе и на обломках мировых империй). Нацию искусственно порождают государства «неимперского типа», которые отказываются от важнейших форм творчества народа – религии и культуры (Дугин 2010). «Антиимперские» го-

---

³ Практически одновременно в масштабах истории на огромных пространствах Евразии (в Китае, Индии, Персии, Палестине, Греции) совершаются духовные революции и возникают великие проекты «одухотворения» человека – Ветхий Завет, Упанишады, конфуцианство, буддизм, даосизм. Духовное измерение бытия задают Конфуций и Лао Цзы, Будда и Заратустра, пророки Исайя и Иеремия, философы Гераклит и Платон, поэт Гомер и др.

⁴ Это империя Александра Македонского, Римская империя, Индия и Китай, Византия, позднее – Арабский халифат, Священная Римская империя германской нации, Российская, Британская, Османская империи.

сударства учреждают нацию политически, социально, юридически, административно, институционально, территориально и даже экономически, конституируя и конструируя ее. Формируется и расширяется пространство национально-культурной идентичности, в которой общность «мы», во-первых, перерабатывает «этнографический материал», преобразует и вбирает в себя энергетику этничности, придавая ей конструктивный статус, во-вторых, консолидирует общество-нацию исторической памятью и общей судьбой, объединяет народ ценностным и смысловым основанием. Именно ценности и смыслы, создаваемые в пространстве культуры (и имеющие в своей основе религиозные истоки), становятся душой нации, ее связующей субстанцией (Марков 2014). Формула нации – это синтез родового и универсального, вселенского. «Нация представляет собой также качественно новую стадию духовного развития общества, ее в известном смысле можно считать пострелигиозной формой духовной жизни, о чем свидетельствует европейский опыт Нового времени» (Гусейнов 2012: 76).

Таким образом, национально-культурная идентичность имеет посреднический статус, интегрируя родовое и вселенское. Нация – это синтез рода и духа, преображающий земное и адаптирующий небесное в рамках единого сплава (неслучайно значимым элементом национально-культурной идентичности становится Родина как место рождения – как результат одухотворенного племенного, родового начала). В то же время национально-культурная идентичность глубинно обусловлена сферой духовного – она рождается в идеальной плоскости. Именно в самосознании субъект получает ответ не только на вопрос «кто я?»⁵, но и на вопросы «зачем я?», «во имя чего я?».

3. Национал-социализм как политический проект

Нацизм – это политический проект на теле нации как субъекта культуры. В метафорической плоскости нацизм – это кентавр, химера, когда на племенное, родовое накладывается идеальное, когда непреодоленная (и гипертрофированная в своей уязвленности) эт-

---

⁵ «Национальная идентичность не просто осознается личностью, а входит в ее “я-сознание”. Она в рамках личностного самосознания является более интимной и ранимой структурой, чем такие формы идентичности, как социальная, профессиональная, территориальная». Индивид всегда имеет «определенную и ясную позицию по вопросу о своей национальной принадлежности». Вопрос «кто я?» не допускает размытости, на него нельзя не иметь определенного ответа (Там же).

ничность (род, кровь), минуя и отвергая национально-культурную идентичность, интегрирует в себя идею национальной исключительности, превосходства. В результате образуется специфический симбиоз откровенного расизма и популистских идей (в том числе и социалистического толка). Минуя защитный национально-культурный слой, идея инкорпорируется в этнос, который «оживляется» пропагандой его мнимой природной, биологической исключительности. Типичный пример – теория исключительности арийской расы, которую социологи и антропологи давно считают не биологической реальностью, а «научным фантомом» и политическим концептом.

С одной стороны, расизм как составная часть идеологии нацизма доводит до апогея этноцентризм, погружает человека в древнее родовое начало, в том числе и с помощью оккультизма, глубинных архетипов и символики. Отсюда интерес нацистов к культуре древних практик, уважение символики – и в то же время ненависть к христианству (как известно, Гитлер считал его порождением иудаизма, с помощью которого евреи хотели покорить весь мир). Соответствующее отношение было и к современной церкви, которая, по мнению фюрера, впитала в себя слишком много иудейского и утратила арийский дух. Новая нацистская религия Третьего рейха строилась на отрицании христианства и возрождении «духа арийских предков», древнегерманской языческой символики, включая пантеон арийских богов. Вместо креста знаком новой веры должна была стать свастика, вместо литургии – специфический ритуальный репертуар: ритуал «освящения знамен», праздники Солнца и сбора урожая, массовые шествия, торжественные клятвы, «соборы», специальный церемониал для свадеб и похорон офицеров СС и т. д.

С другой стороны, нацизм паразитирует на ценностях социализма, декларируя социальную справедливость, выдвигая идею построения социального государства и бесклассового общества, обещающая рост благосостояния за счет расширения «жизненного пространства»⁶. При этом вполне гуманистическая риторика идеологов национал-социализма сочетается с концепцией расовой борьбы и расового превосходства, породившей одну из самых бесчеловечных в истории программ «выведения» безупречной арийской расы

---

⁶ Это ключевые составляющие программы Б. Муссолини, опубликованной им в книге «Доктрина фашизма» (Муссолини 1938).

(в физиологическом смысле этого понятия), которая должна была господствовать над всем остальным миром «недочеловеков» – путем ее очищения (расовая гигиена) и сохранения «чистоты».

Базовые причины зарождения немецкого нацизма были связаны с последовательным крахом двух империй: Первого рейха – «Священной Римской империи германской нации» (которая просуществовала с 962 по 1806 год и рухнула 14 октября 1806 года, когда Наполеон разбил прусскую армию и вступил в Берлин), а затем и Второго рейха (кайзеровской Германии 1871–1918 годов). Востребованность нацизма была спровоцирована также катастрофой национального самосознания в результате поражения в Первой мировой войне. Утрата культурной миссии, поруганное чувство национального достоинства породили пессимизм и острую потребность в новой идентичности, которую Германия ждала и с радостью обрела в нацистской идеологии. Получившая там популярность в 1920-е годы концепция Третьего рейха, которая использовалась германскими правыми для обозначения немецкого государства будущего, выполнила функцию возрождения национального самосознания.

4. Факторы и следствия кризиса национально-культурной идентичности

Уязвимость национально-культурной идентичности определяется прежде всего ее родовой, этнической составляющей. Как отмечалось выше, национально-культурная идентичность в значительной степени преобразует энергетику рода, в том числе его деструктивные импульсы. Однако природное начало, встроенное в экзистенциальные глубины человека и структуру ментальных матриц, несет *опасность соскальзывания на более примитивные и древние уровни идентичности, включая уровень идентичности по критерию «крови и почвы»*. «Самосознание личности непременно включает в себя сознание этнокультурной идентичности, в том числе в тех случаях, когда последнюю в силу традиции словоупотребления не принято обозначать как национальную» (Гусейнов 2012: 76). Именно распадающаяся культура становится причиной соскальзывания в язычество.

Опасность исходит и от содержательной ограниченности пространства национально-культурного, в котором зона и набор формул смысла жизни минимальны. «Особое место и роль национальной идентичности определяются тем, что она, как правило, прямо

замкнута на чувство нравственного достоинства» (Гусейнов 2012: 76), но это чувство не предполагает ответа на ключевые экзистенциальные вопросы о смысле жизни: зачем ты в этом мире, во имя чего следует преодолевать невзгоды и лишения человека и всего рода человеческого?

Между тем сегодня зона национально-культурной идентичности стала основным объектом информационной агрессии, идет целенаправленное разрушение ценностно-нормативного ядра национальных культур и ментальных матриц, консолидирующих народы⁷. В то же время эта зона становится площадкой для реализации деструктивных и античеловеческих проектов (яркий пример – сегодняшняя Украина). Национальная символика и чувство национального единства целенаправленно эксплуатируются и используются для формирования «национальных химер», в которых культурное подменяется этническим, родовым. В сфере гуманитарного знания, в том числе в рамках социобиологических концепций культурологии и антропологии, усиливается биологизация этнического феномена, все более популярными становятся концепции «культурного» и «символического» расизма⁸.

Целенаправленная и активная биологизация этносов, составляющих основу наций, когда этносы наделяются биологическими критериями различий, характерными для расизма, происходит и в политической плоскости. Подобные проекты, разрушая национально-культурные основания идентичности, формируют псевдоэтнические общности «мы», в мутном пространстве которых зарождаются массовые энергии и настроения шовинизма и ксенофобии, служащие благодатной почвой для формирования практик геноцида. «Национальные идеологии» таких общностей стимулируют агрессивные формы противостояния «мы – они» по этническому признаку, тяготея к нацизму. Увы, без агрессии по отношению к внешним врагам национальная химера не может долго существовать: не пожирая других, она неизбежно начинает пожирать себя (характерный пример – сегодняшний украинский синдром). В тако-

---

⁷ «В качестве институциональных средств “разборки” “объединяющей” национальной (союзной, исторической) идентичности используются те же институты, которые способствовали формированию государств: школа, книга, музей, газета, церковь» (Капицын 2015: 322).

⁸ В частности, расистскую идеологию исповедуют международные движения борцов за сохранение «белой расы», идеологи которых утверждают, что иммигранты не способны к интеграции в местное общество и поэтому угрожают культурной идентичности местного населения. Подобных взглядов придерживаются и европейские «новые правые».

го рода политических проектах ультранационализм (в реальности – нацизм) становится не только искусственным способом консолидации общности «мы», но и средством легитимации внутренних репрессий и внешней экспансии (борьбы за территорию и ресурсы).

Кризис национально-культурной идентичности болезненно переживается европейской цивилизацией. Его острота определяется значимостью данного критерия в системе культурных оснований и личностных идентификаций – национальная идентичность не просто осознается личностью, она является «более интимной и ранимой структурой, чем такие формы идентичности, как социальная, профессиональная, территориальная, представляет собой ментальный и душевный строй индивида, входит в неотчуждаемое личностное ядро “я-сознания”, в смысловую основу жизнедеятельности индивида в обществе, в том числе и гражданскую» (Гусейнов 2012: 77).

Последствия разрушения базовых оснований национально-культурной идентичности для социума имеют предельно негативный (в некоторых случаях катастрофический) характер. Распадающийся социум опускается на более низкие и примитивные уровни идентичности, усиливающие и провоцирующие межэтническую враждебность. Природа, почва, факт рождения неустраимы и непреодолимы – они ждут своего часа, взрываясь в ситуации кризиса идентичности⁹. Размываются основания гражданской солидарности и ответственности. На индивидуальном уровне это проявляется в снижении степени политической мобилизованности граждан и превращении их в индивидуализированную массу. Расширяются пространство и репертуар нетрадиционных самоидентификаций и «негативных» идентичностей, выполняющих компенсаторные функции в ситуации «идентификационной пустоты»: сюда можно отнести различного рода виртуальные сообщества, субъекты которых лишены каких-либо идентификационных признаков.

Тревогу вызывает рост «контр-идентичностей», разрушающих культурные матрицы наций и основания государственного устройства. «Возникает контр-идентификационный мейнстрим активного меньшинства, поддерживаемый усилиями внешних сил и национа-

---

⁹ Именно до конца непреодоленный имперским сознанием этноцентризм (в политическом плане оформленный как этнофедерализм) стал причиной распада СССР и источником последующих конфликтов на его периферии. Этот же фактор стал решающим в разрушении большинства социалистических федераций, в том числе Югославии, распад которой сопровождался кровавыми вооруженными конфликтами и прямыми войнами (Библер 2015).

листических групп. Некоторая часть населения присоединяется к протесту в надежде уменьшить злоупотребления властей. Такой эффект “слияния” усилий получил название “цветная” (“оранжевая”) революция по имени романтизированных знаков (апельсин, мак, роза и т. д.), символизирующих ненасильственное сопротивление народа» (Капицын 2015: 321).

На развалинах идентичности и руинах распадающегося социума стремительно растет интерес к этнической составляющей человеческого бытия – языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, идет активное возрождение язычества с его расовыми архетипами и этническими стереотипами. Сегодня мы наблюдаем в Западной Европе активное возрождение язычества в его ценностно-нормативной и ритуальной составляющих, элементы которых активно интегрируются идеологией «новых правых». В культурное пространство возвращаются архаичные дискурсы и практики.

Однако в поле национального самосознания кризис идентичности не всегда своевременно осознается в таком качестве, в результате защитные силы культуры остаются невостребованными. Неспособность культуры сохранить жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы приводит к дезорганизации системы, которая может принять необратимую форму, ведущую к катастрофе. Надвигающаяся катастрофа становится фактором саморазвития лишь в том случае, если мы видим ее нарастание и приближение, можем представить себе сроки и последствия ее наступления. В этом плане духовные кризисы в истории человеческой цивилизации (по генезису, характеру протекания) близки экологическим, которые также внезапно «накрывают» человеческое сообщество. Духовный кризис, порождая внутреннюю дезорганизацию общества, снижает полноту жизни, лишает энергии и смысла человеческую активность.

В ситуации кризиса национально-культурной идентичности потенциально существуют два глобальных исхода (или сценария развития).

Первый исход: в природу, род, язычество, дионисийскую стихию. Но в эту стихию Европа уже давно вошла, начиная с эпохи Реформации и Просвещения, которая обозначила поворот европейской цивилизации в противоположную сторону от Нагорной проповеди Христа – этического ядра христианской культуры. И результаты этого поворота весьма плачевны – именно язычество стало мировоззренческой основой формирования расизма, составив-

шего идеологический каркас самого страшного в истории политического проекта – национал-социализма. Погружение в «родовые стихии» сформировали ментальную основу соответствующих теорий и практик, прежде всего расизма и геноцида. И сегодня нацизм на пространстве европейской цивилизации возникает в вакууме национально-культурной идентичности, в ситуации аномии и распада традиционных для христианской культуры антропологических и ментальных матриц.

Второй исход: восхождение к вселенскому мессианизму, имперскому духу¹⁰, когда общность «мы» – этноса, нации – вырастает до общности «мы-мира», «мы-цивилизации». Этот универсалистский вектор заложен в самой природе национально-культурной идентичности. С одной стороны, «индивида вне нации не существует. В этом смысле нация не является предметом выбора» (Гусейнов 2012: 75). Это так. С другой стороны, чувство национальной общности «мы» можно снять на ином уровне идентичности, который «обещает» и гарантирует более возвышенное переживание личностного достоинства, понимание миссии и смысла бытия человека и культуры.

Именно в синтезирующем (маргинальном, посредническом) характере национально-культурной идентичности, во-первых, содержится опасность соскальзывания в национализм и шовинизм (который иногда маркируется как «этнический национализм»), во-вторых, полюс культурного, основу которого составляет религиозная универсальность, содержит потенциал выхода на универсализм, прежде всего в форме национальной идеи и имперской идеологии.

5. Ресурсы и сценарии предупреждения реванша нацистской идеологии

Первое: сохранение в рамках сложившихся национальных культур классических оснований идентичности – путем возрождения идеологии консерватизма. Неслучайно на Западе значительные социальные силы делают ставку на «неоконсерваторов», приход к власти которых обещает отказ от принципов мультикультурности, толерантности и политкорректности, возрождение традиционных

---

¹⁰ В свое время К. Ясперс, размышляя над судьбами европейской культуры, говорил, что для спасения человеческой сущности, находящейся в XX веке на грани гибели, необходимо «обновить» связь с осевым временем, отыскать новые «шифры» понимания утрачиваемой истины.

ценностей – семейных, гражданских, национальных. Позитивная составляющая консерватизма – патриотизм с его символикой большой и малой Родины, доминирующей идентичностью по месту рождения, которая снимает значимость «родовой солидарности». Дополнительным фактором национальной идентичности (особенно в ситуации ее кризиса) является гражданская идентичность, фиксирующая принадлежность к политическому сообществу, которая в значительной степени является «результатом свободного выбора личности» (А. А. Гусейнов). В границах западного мира приходит осознание того факта, что ультралиберализм и постмодернистская идеология производят необратимые изменения национально-культурного ландшафта и морального климата, обрекая традиционную Европу на гибель (Гранин 2015).

Второе: возвращение к универсалистской, духовной идентичности, т. е. к имперской парадигме государственного строительства и выстраивания геополитических стратегий. Мировые империи Нового времени (начиная с Византии), возникавшие на основе мировых религий, существенно отличались от империй Древнего мира. Они строились на единстве государственной и сакральной власти, культивировали идею величия и долга, воспитывали героическую пассионарность, опирались на духовные ценности и религиозную доминанту – без сакрального фундамента государству и обществу трудно удерживать центробежные силы хаоса и распада. Основой имперской идеологии и доминантой национального самосознания становится мессианизм, утверждающий уникальность государства и культуры в мировой истории. Империя переплавляет множество этносов в единый народ, обретающий общность «мы» вне этнического поля. Такой способ формирования идентичности народа «поверх» этнического разнообразия был характерен и для Греческой империи, которая создавалась из созвездия средиземноморских этносов, не имеющих государственности, и для Византии, и для Российской империи, возникшей на пересечении силовых полей Европы и Азии на основе органичной консолидации множества этносов.

Сегодня статус империи имеют США – главный геополитический игрок на мировой площадке, целью которого является глобальная гегемония, и не только в военном, политическом и экономическом плане, но и в духовной плоскости. В перспективе имперский статус может обрести Европейский союз, которому пока не хватает духовной миссии, способной повысить привлекательность

«европейского дома», компенсировать примитивизм буржуазной прагматичности и сытого потребительства сегодняшней европейской цивилизации, ограничить пространство девиаций и человеческих пороков. Еще один геополитический проект – попытки создания на пространстве исламского мира халифата – единого государства, способного, по мнению его идеологов, обуздать хаос, созданный США на пространстве Ближневосточного региона.

Значимость и реалистичность второго сценария спасения западноевропейской цивилизации от нацистского реванша велика прежде всего в силу фундаментальной оппозиции нацизма и имперского духа с его универсализмом и полиэтнической (или даже надэтнической) идентичностью, пассионарным пафосом служения и стремлением к общечеловеческому единству. Империя способна «сочетать централистский логос с полифонией этносов» (Дугин 2010: 98), создать условия и возможности для осознания собственной значимости и достоинства, участия в общем деле представителям всех народов, этносов, конфессий и культур.

Литература

Библер, А. 2015. Политические и культурные аспекты русско-украинского конфликта. *Современные глобальные вызовы и национальные интересы. XV Международные Лихачевские научные чтения. 14–15 мая 2015 года.* СПб.: СПбГУП, с. 235–239.

Гранин, Ю. Д.

2012. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим». *Вестник Российской академии наук* 82(9): 807–813.

2015. Сохранятся ли «национальные государства» в глобализирующемся мире? Угрозы и перспективы. *Современные глобальные вызовы и национальные интересы. XV Международные Лихачевские научные чтения. 14–15 мая 2015 года.* СПб.: СПбГУП, с. 308–310.

Гусейнов, А. А. 2012. Нация и личность. *Диалог культур в условиях глобализации. XII Международные Лихачевские научные чтения. 17–18 мая 2012 года.* СПб.: СПбГУП, с. 74–76.

Дугин, А. Г. 2010. *Социология воображения. Введение в структурную социологию.* М.: Академический Проект.

Запесоцкий, А. С. 2013. Трансформация культуры: производство смыслов и управление информационными потоками. *Диалог культур, ценности, смыслы, коммуникации. XIII Международные Лихачевские чтения. 17–18 мая 2013 года.* СПб.: СПбГУП, с. 68–73.

Зиновьев, А. А. 2004. Выступление на заседании Русского интеллектуального клуба. *Научно-философские диалоги. Знание. Понимание. Умение* 1: 37–42.

Капицын, В. М. 2015. Доминанта этнической идентичности и разрушение «объединяющей» национальной идентичности. *Современные глобальные вызовы и национальные интересы. XV Международные Лихачевские чтения. 14–15 мая 2015 года.* СПб.: СПбГУП, с. 321–323.

Лекторский, В. А. 2015. Глобализация и национально-культурная идентичность. *Современные глобальные вызовы и национальные интересы. XIV Международные Лихачевские чтения. 14–15 мая 2015 года.* СПб.: СПбГУП, с. 109–111.

Марков, А. П. 2014. Смысл как антропологическая константа и базовая ценность культуры. *Вопросы культурологии* 3: 92–97.

Муссолини, Б. 1938. Доктрина фашизма (пер. В. Н. Новикова, 1938 г.). URL: <http://www.nationalism.org/vvv/library/mussolini-doctrina.htm>.

Назаретян, А. П. 2015. *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании.* М.: Аргатак-Медиа.

Поршнев, Б. Ф. 1974. *О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии).* М.: Мысль.

Степин, В. С. 2003. *Теоретическое знание.* М.: Прогресс-Традиция.

Флоренский, П. 1994. Автореферат. Мировоззрение. В: Флоренский, П., *Соч.:* в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, с. 37–43.

Черешнев, В. А., Расторгуев, В. Н. 2009. Цивилизационный кризис: Оценка ситуации и задачи антикризисной политики. *Диалог культур и партнерство цивилизаций. IX Международные Лихачевские чтения. 14–15 мая 2009 года.* СПб.: СПбГУП, с. 154–156.